

ТЕАТР

ИДУЩИЕ ЗА ГОРИЗОНТОМ

У людей, смотревших первый спектакль Тульского ТЮЗа, я спросил, хороший это театр или так себе. Один ответил уклончиво, двое высказали мнения прямо противоположные. Оставалось установить истину самому.

После первого посещения театра ясности не было. Только на пятом спектакле, сидя в окружении школьников, я открыл известную, но забытую истину, что оценивать творчество по пятибалльной системе — бессмысленно и вредно. Продукцию театра, если она создана коллективом творцов, а не артелью ремесленников, невозможно разложить по полкам: в спектакле хорошее и несомненное — частые соседи.

В этих заметках я попытаюсь свести воедино разрозненные впечатления от виденного.

МИНУТА НА РАЗМЫШЛЕНИЯ

Назовите, пожалуйста, десять хороших современных советских пьес. Время! Одна, две, пять, шесть... восемь... десять! Спасибо. А теперь назовите пять детских пьес. Начали. Одна... Дальше! Стоп, время истекло. В этом КВНе ТЮЗы постоянно проигрывают. Разбираться здесь, почему драматурги не пишут для детей, нет возможности. Мы коснемся лишь последствий этого явления.

Театр должен говорить со своим непосредственным зрителем о делах, ежечасно его волнующих. Он обязан воспитывать. Нужна детская пьеса. Хорошая. Если нет ее, хоть какая-нибудь. Такую написать легче. Минута на размышления... Есты! Авторы Лев Новогрудский и Даль Орлов: «Берегись! Двойка!» Современная сказка о том, что учение свет, а неучение тьма. Тема важная, нет спору, но если она творчески осмыслена, если мысль о пользе учения возникает в результате борьбы художественно убедительных образов. Авторы ж — где более, а где менее удачно — проиллюстрировали заданную идею, и поэтому коэффициент полезного действия пьесы незначителен, хотя режиссер Роман Соколов и сделал спектакль зрелищным.

Только в результате взаимопонимания постановщика и актеров могли появиться выразительные и неожиданные фигуры — Дырки, Кляксы и прочие мерзоподостники. Интересно пластическое решение этих фигур, красочные и смешные костюмы придумал художник, нужный ритм спектаклю задает музыка, удачно играет И. Васнина предводительница вражеских сил — Двойку. Но это не спасает плохую драматургию. С появлением главных героев — школьников — интерес к происходящему пропадает, и на сцену выходит непримечательный пьесой персонаж — скука. Изгнать ее из театра можно, в этом убеждают его работы, о которых речь впереди. А сейчас о спектакле, главным героем которого — поэзия.

Там, где небо
встретилось с землей,
Горизонт родился
молодой.

«ЛИРИКИ» НЕ ВИНОВАТЫ

Я бегу, желанием
гоним.
Горизонт отходит.
Я за ним.

Стихи Михаила Светлова — высокий образец поэзии. Они звучали в спектакле «След в след».

Говорят, что мир разделен на «физиков» и «лириков» и что лирики остались ничтожная кучка, не стоящая внимания. А если говорить серьезно, то увлечение поэзией — явление повальное, и поэтому спектакль «След в след», сплошь состоящий из стихов, вызвал повышенный интерес. Но он заметно упал после первого представления. Почему? Вот главные причины.

Э. Веряго, автор композиции, именуемой драматической поэмой, пытался объявить необычное, забыл, что наилучшие стихи разных поэтов невозможно путем комбинации превратить в произведение иного жанра, со своими, отличными от других законами.

Стихи можно расставить по заранее расчерченным клеточкам — и получится абстрактная мозаика; можно вольно объединить некой общей темой в вульгарный литературно-музыкальный монтаж или в нечто расплывчатое и многозначительное, как это случилось с композицией Э. Веряго.

Спектакль это подтверждает.
Не оправдался расчет на фантазию зрителя. Воображению нужен возбудитель, а его не смогли дать ни режиссер, ни работа актеров. Я говорю об этом с чувством горечи за людей, горячо любящих поэзию, за театр, которому не удалось попытка создать спектакль, ни с чем не схожий, новаторский во всех отношениях.

На вопрос, можно ли дотянуть горизонт, я отвечаю: да, можно. И первым это сделает тот, кто пробует.

«ВОДЕВИЛЬ — ЭТО ВЕЩЬ»

О вечере русского водевиля подробно говорить не стану. Не потому, что вечер был неинтересен, нет. Как обещано в аннотации к спектаклю, в нем были «танцы, комедийные ситуации, песни и счастливый конец». Был и смех, непререкаемый спутник водевиля. «Винкой» тому в первую очередь Г. Лукьянова, показавшая в роли Верочки из водевиля П. Григорьева «Дочь русского актера» поразительное умение трансформироваться, создавая всякий раз новый законченный образ. Достойным ее партнером был Ю. Ратников — незадачливый жених Ушица.

Водевиль «Простушка и воспитанная» Д. Ленинского украсили работы В. Силко (Палаша) и уже упомянутых Г. Лукьяновой и Ю. Ратникова. В общем все было, как в водевиле быть должно.

ТЕАТРУ НУЖНЫ ВОЛШЕБНИКИ

Вот в зрительном зале гаснет свет, а темноте открывается занавес, и по сцене начинают летать какие-то огоньки — наверх духи. Но ведь духов не бывает! А что же тогда летает по сцене? Нет, все-таки это духи! Сидих птиц счастья тоже не бывает, но тот, кто видел пьесу Метерлинка на сцене МХАТ, спорить на эту тему не будет: ему-то хорошо известно, что такие духи и такие птицы есть. Сам видел.

Есть и другие примеры, доказывающие, что чудеса создают волшебники, без которых детскому театру нельзя и дня прожить.

Гаснет свет, сейчас начнется чудесная сказка Г. Нахуширишвили «Чинчраквела». Открывается таинственный занавес, а за ним, на фоне плохо освещенного задника, стоит какое-то сооружение, должноствующее изображать и горы Кавказа, и живописные развалины, и еще несколько других мест. Сколько приходится потратить актерам энергии, чтобы вернуть утраченное доверие детей. Это удается благодаря игре Г. Лукьяновой — Чинчраквелы, И. Васиной в роли Лисы, В. Швайковского, А. Рогацкого, Ю. Шестеряна, которые в мягкой манере играют зверей, добрых помощников Чинчраквелы.

Но вот появляется сказочный ковер-самолет, а в зале — шум недоумения: на куске грязной парусины копия ковра работы базарных мастеров. Это пример не единственный. В спектакле «Берегись! Двойка!» трое обыкновенных школьников попадают в необыкновенные обстоятельства, они ждут невероятного: сейчас должны появиться ожившие обитатели тетрадей. И те появляются... из-за куска черного бархата, нисколько не беспокоясь о том, что детское воображение создавало десятки самых немислимых появлений.

Нет, театру нужны волшебники, иначе самая лучшая пьеса превратится в нудное нравоучение.

ЧЕМ ЖИВ ТЕАТР?

Об этом можно говорить много, но лучше купить билет на «Пузырьки». Этот спектакль полностью отвечает на поставленный вопрос.

Пьеса А. Хмелика о школьниках, у которых начинают ломаться голоса и взгляды, для которых возникают новые истины и понятия. В общем, о пионерах из 7 «а», которые в пылу соревнования с 7 «б» по сбору пустых аптечных пузырьков решились на подлость. В их душах было расплывчатое чувство дружбы, вырванные ростки любви. Цена пустых пузырьков оказалась слишком высокой.

В пересказе история выглядит мрачно, на самом же деле — в этом и заключается вся прелесть — это очень веселый и жизнеутверждающий спектакль, умно прочитанный Р. Соколовым, просто и выразительно оформленный А. Желудевым и, самое главное, с большой правдой сыгранный С. Кашеваровым, А. Лашиным, В. Сергеевым, В. Захаревым, А. Карасевым, Л. Бояриновой, Н. Полищаном и другими.

Здесь ярко проявилась важная черта театра — поиск гражданской темы. Она была заметна и в комедии «Берегись! Двойка!», и в композиции «След в след», но в полную силу зазвучала в «Пузырьках». Тут найдено то счастливое сочетание всех компонентов, которым отличаются произведения искусства и которым жив театр.

* * *

Вот таким увидел я Тульский ТЮЗ. Наверное, не все хорошее замечено — его несомненно больше. Радуют, например, что в театре отсутствует бодренькая драматургия, что со сцены не кричат «Полный вперед!» и «Встать! всех наверх!», не бьют себя в грудь, произнося дрожащими голосами: «Торжественно клянемся!», то есть не делают всего того шума, которым легко вызвать аплодисменты, но невозможно оставить сколько-нибудь заметный след в умах и сердцах детей.

Театр молод. Молод не по паспорту, а по творческому составу, как говорится в комментарии к спектаклю: «...возраст его участников — двадцать два, двадцать три года».

Театр в поиске.

В. ДЕСЯТЕРИК,
режиссер Днепропетровской студии телевидения